

СНГ, на строительство в большей степени "политической", нежели этнонации, и именно поэтому "нетитульное" население было склонно его принять, но захочет ли новая политическая элита следовать по тому же пути? Этот вопрос влечёт за собой и другой – не будет ли в новых условиях "адаптация" для русского населения означать уже нечто другое?

Пока еще слишком мало данных для того, чтобы делать здесь какие-либо категоричные выводы, но и оснований для оптимизма тоже не так много. То же самое, думаю, верно и для объекта рассматриваемого исследования – так хорошо описанные и проанализированные Н.П. Космарской адаптационные практики – явление акаевской Киргизии, но будут ли они сохраняться в Киргизии, пережившей "революцию тюльпанов"? Боюсь, что грядущие десятилетия не подтвердят наших представлений об их устойчивости. "Цветные перевороты" (а также другие явления глобального порядка, например, рост влияния "политического ислама") серьезно изменили многие "правила игры", успевшие сложиться в новых независимых государствах, что, несомненно, повлияет и на наши представления об успешности уже примененных "нетитульным" населением "адаптационных практик".

То обстоятельство, что кто-то уезжает, а кто-то остается и долгое время не протестует, еще не свидетельствует о том, что оставшиеся смогли адаптироваться. Долгое время источником головной боли для Израиля была палестинская эмиграция, а не оставшиеся в Эрец-Исраэль арабы, которых их бежавшие соотечественники третировали как соглашателей. Сегодня ситуация совсем иная... Если говорить о русских в ближнем зарубежье, то следует иметь в виду еще одну тенденцию. Определяющим в их самоощущении последние 15 лет был фактор слабости и в определенном смысле слова "униженности" России, теперь же мы можем только предполагать, как на новые адаптационные практики будет влиять рост её экономического и политического могущества. Думается, в ближайшие годы наши представления о характере и пределах адаптации "нетитульного", прежде всего русскоязычного населения в постсоветских государствах могут серьезно измениться, и в этом смысле монография Н.П. Космарской – это нечто большее, чем просто ценное исследование ситуации в одном из ареалов "нового русского рассейния". Она являет собой своего рода "подведение итогов" определенного исторического периода, за которым наступает уже совсем иная эпоха.

© В.И. Мукомель

**"КТО МЫ? ОТКУДА МЫ? КУДА ИДЕМ?"**

Плохая работа раздражает. Хорошее исследование способно вызвать снисходительный отклик: все верно, все созвучно. Очень хорошее, – а книга Н.П. Космарской является, безусловно, таковой – вызывает всплеск эмоций и вопросов (хотя по части эмоций, бьющих у автора через край, с Натальей Петровной трудно конкурировать).

Согласно негласной традиции, начну с позитива. Полагаю, наиболее сильная сторона исследования – его многогранность ("стереоскопичность взгляда" в авторской интерпретации) и четкость позиции. Способность автора оценивать ситуацию в ее историческом контексте, видеть полутона, одинаково свободно анализировать социальные трансформации, экономические пертурбации, социально-психологические сдвиги

в поведении людей, изменения в общественно-политическом дискурсе и пр., вызывает уважение.

Автор, озабоченный тем, чтобы не впасть в упрощение, уделяет подчеркнутое внимание динамизму ситуации, пространственной ее дифференциации, стремясь показать, "как суживаются наши познавательные возможности при стандартных попытках рассматривать проблемы русскоязычных *в отрыве не только от общих закономерностей постсоветских трансформаций, но и от их конкретно-страновых воплощений*" (с. 343, здесь и ниже курсив автора книги).

Убедительно показано, что "дети империи" не есть единый конгломерат, что реакция различных людей на одинаковые вызовы носит вариативный характер (с. 337); что даже в одном селе люди, принадлежащие к одной социально-демографической группе, по-разному оценивают обстановку и планируют свою биографию; что часто истоки этой реакции следует искать в социально-психологической сфере (с. 147–152). Точно так же, впрочем, не следует мерить единым аршином и киргизов, реакция и поведение которых существенно зависят от множества факторов, включая регион проживания (с. 144).

Н.П. Космарская опровергает два расхожих штампа: 1) наиболее активные русскоязычные давно уехали (с. 335; вывод о высокой социальной активности русских в сегодняшней Киргизии сам по себе заслуживает пристального внимания); 2) ведущим фактором выезда в Россию в начале 1990-х годов была дискриминация. По мнению автора, экономические факторы начали действовать с начала 1990-х годов (с. 231), и в пиковые годы вынужденных миграций в этом потоке были люди, выезжающие в Россию по социальным мотивам (личным, семейным), с надеждой на получение жилья, повышение социального статуса, даже "мир посмотреть" (с. 226).

Благодаря пристальному вниманию к повседневности в книге много прекрасных находок. Одной из них является повторяющаяся в нескольких интервью тема восприятия мигрантами из Киргизии комаров и мошки, распутицы в России, расширяющая расхожие представления о "культурном шоке" за счет экокультурных диссонансов.

На мой взгляд, наиболее интересное в книге – редко встречающееся обращение к экономике повседневности. Анализируя индивидуальные траектории социальной мобильности, автор убедительно показывает, что процесс адаптации русскоязычных в Киргизии к новым экономическим и социальным реалиям завершен; в целом им удалось интегрироваться в трансформирующиеся социально-экономические структуры новых независимых государств.

Хотелось бы выделить несколько моментов. Во-первых, русские в Киргизской Республике оказались в ситуации, во многом аналогичной той, в которой находятся в России представители иммигрантских меньшинств: "дискриминация" вертикальной мобильности на госслужбе, в бюджетной сфере при полной (неограниченной) свободе в бизнесе (с. 338–339)<sup>10</sup>. На этом фоне примечательно восприятие РФ ("в России ведь все по-другому", с. 340–341), примериваемое на себя, но не на других.

Во-вторых, Н.П. Космарская исследует сложный сетевой механизм социального продвижения: спецификой неформальных сетей и связей становится членство в "клубе профессионалов" (с. 353). Человеческий и социальный капитал для русскоязычных служит важнейшим фактором восходящей мобильности, и их роль особо возрастает в условиях узости социально-профессионального пространства республики.

В-третьих, особо значима роль социального капитала, социальных связей в Киргизии для "возвращенцев", отмечавших отсутствие или слабую разветвленность иммигрантских сетей в России.

Важнейший вывод, как я понимаю: наличие социального капитала компенсирует "неправильную" национальность, при этом Н.П. Космарская отмечает в качестве гипотезы, что общность с локальным сообществом значимее кровно-родственных связей (с. 260).

Недостатки книги – суть продолжение ее достоинств. Вызывает недоумение рвение, с которым автор ведет дискуссию с оппонентами, высказывавшими свои взгляды десятилетие назад, что несколько напоминает споры военных историков, разыгрывающих прошлые войны. Запал, вероятно, излишен; это тот случай, о котором пишет сама Н.П. Космарская – когда "политико-публицистический дискурс задавил академический" (с. 294).

Само деление исследователей на "миграционистов" и "интеграционистов" – редкий, к счастью, случай, когда автор упрощает ситуацию, изменяя своему "стереоскопическому" видению проблемы. Дихотомическое противопоставление "миграционистов-алармистов" "интеграционистам-реалистам", само по себе достаточно вольное и несправедливое по отношению к цитируемым авторам, усугубляется отождествлением "миграционистов" с примордиалистами, а "интеграционистов" – с конструктивистами (с. 33).

Будучи причислен к "интеграционистам-реалистам", замечу: все намного сложнее. Споры тех лет – это не столкновение идеологий, не споры "алармистов" с "прагматиками" (хотя уже теплее); это споры о том, какие факторы следует принимать в расчет и насколько они значимы для перспектив репатриации/интеграции русскоязычного населения новых независимых государств.

И здесь хотелось бы зафиксировать очень важный момент: выводы Н.П. Космарской базируются на исследованиях середины и отчасти конца 1990-х годов и справедливы применительно к тому специфическому времени. Их распространение на 2000-е годы или, тем паче, на ближайшие годы сомнительно: и Россия сегодня иная, и Киргизия. Не факт, что усиление дифференциации экономического развития России и Киргизии, трансформация социально-политической обстановки в этих государствах не вызовет изменений в установках и стратегиях адаптации русскоязычного населения последней.

Привязанность исследования к периоду 1990-х годов очень заметна: в книге ни слова о феномене 2000-х годов – массовых трудовых миграциях граждан Киргизии в Россию и Казахстан. Участвуют ли в этих миграциях русскоязычные? Насколько активно, какие ниши на российских и казахстанских локальных рынках труда они облюбовали?

Преувеличенное значение этничности в публицистическом и академическом дискурсах вызывает у автора справедливое отторжение. Однако вряд ли конструктивна попытка противостояние этнических групп интерпретировать как противостояние социальных групп (с. 29–30). При этом "социальная" составная дефиниции сводится к отчужденности от власти. Возникает вопрос, насколько актуальна отстраненность от власти для большинства русскоязычных и едина ли эта группа?

Вызывает сомнение, что такой подход «...во-первых, дает возможность *снизить политизированность в восприятии российской общественностью проблемы соотечественников. Во-вторых, ...открывается путь к разумному "торгу" с целью установления неких взаимоприемлемых правил игры...* В-третьих, *...рассмотрение конфликтов как "этнических" делает их фатально непреодолимыми* – в отличие от ситуаций, когда члены групп воспринимают себя и "другого" сквозь призму социального статуса, материального положения, доступа к ресурсам, социокультурной близости... В-четвертых, *... мы сможем избежать соблазнов "морализующего" подхода*» (с. 30).

На мой взгляд, в точности наоборот: во-первых, акцентирование внимания на социальной исключенности "соотечественников" повысит накал политизированности как в российском дискурсе, так и в киргизстанском. Во-вторых, подобного рода "торг" – предвестник не только гражданских волнений в новых независимых государствах, но и охлаждения двухсторонних отношений России с новыми независимыми государствами (и мы знаем российских политиков, видящих себя в роли аукционистов на данном тор-

ге). В-третьих, передел социальных благ, доступа к ресурсам всегда более болезнен, чем нивелирование абстрактных этнокультурных барьеров. О соблазнах "морализующего подхода" даже упоминать излишне.

Вероятно, более уместно утверждение, что "дети империи" – своеобразная этнокультурная группа, тем паче, что вся работа пронизана этой идеей (автор, кстати, и пишет о "локальной этнокультурной идентичности среднеазиатских русских", с. 261).

В условиях коммодификации культуры и науки, когда очень важно "продать" произведенный продукт, успех книги во многом предопределяется ее названием. Возможно, с точки зрения маркетинга название удачно, но насколько оно адекватно содержанию?

"Дети империи" – попытка ответа на первые два вопроса, вынесенных П. Гогеном в название его картины: "Кто мы?" и "Откуда мы?" И насчет "детей" возникают сомнения: почему дети, а не пасынки или иные родственники? Тем более, что многие русскоязычные отождествляют себя не с империей (читай Россией), а с Киргизией, где они родились и где жили многие их поколения.

Еще больше вопросов насчет "империи": колониальное прошлое ("имперский шлейф" в трактовке автора) ассоциируется не только с историческими дебрями, но и с анализом институтов предшествующего периода. Тогда как в книге ничего подобного нет, ключевой темой исследования являются особенности социокультурной и социально-экономической адаптации русскоязычных в Центральной Азии.

Не уверен, что поиск ответа на вопрос "Куда идем?" должен рассматриваться через призму "имперского шлейфа" – точнее, возможно, но с включением не только "имперской" компоненты. Очень важен временной фактор: все новые независимые государства с начала 1990-х годов прошли свой путь с сопутствующими трансформациями социальных, экономических и политических институтов. Различны и результаты: сегодня ситуация в Казахстане не сравнима с другими государствами Центральной Азии: социально-экономические условия жизни русскоязычных в Казахстане кардинально отличаются от положения в других государствах.

Если принять тезис Н.П. Космарской, что социокультурные барьеры проходят не по этносу, то напрашивается важнейший вывод: подобно тому, как растет разрыв между Казахстаном и соседями, русскоязычные Казахстана отдаляются от "детей империи" соседних государств Центральной Азии<sup>11</sup>. Нельзя исключать появление колонизаторских настроений у казахстанцев, включая русскоязычных граждан республики, по отношению к гражданам соседних государств, в том числе и Киргизии (отчасти подобные настроения проявляются в курортной зоне Иссык-Куля).

И последнее: говоря о перспективах интеграции "детей империи", автор пишет о двух возможных проектах интеграции – "диаспорном" и "автохтонном". Не уверен как в адекватности предлагаемых названий, так и в том, что весь спектр различных сценариев адаптации и интеграции можно свести к этим двум. Вероятно, нельзя исключать варианты ассимиляции, сепарации (самосегрегации), по крайней мере, для части русскоязычного населения. Наконец, не закрыт вопрос и о репатриации – особенно в случае форсмажорных политических, социальных обстоятельств; резкого ухудшения экономической обстановки в государствах Центральной Азии.

Книга Н.П. Космарской провоцирует читателя к размышлению и вопросам. И за это – особая благодарность автору, которая блестяще справилась с необъятным материалом и предложила оригинальные трактовки происходящего с "детьми империи" в регионе.